БУДНИ ИВАНА ИВАНОВИЧА

ЭТО ПРЕЖДЕ всего грамотный специалист, что подтверждает его первая квалификационная категория. Безотказный работник. Человечный, веселый, энергичный, доброжелательный. Более того, он — одаренная натура, участвует в самодеятельности, пишет стихи. Однажды к празднику в коллективе придумал интермедию, написал весь текст и сам играл интердевочку. Показать не удалось — ему пришлось уехать, но я был на репетиции — чуть не умер от смеха», — эти слова Юрия Самуиловича Вальтера, зам. главврача ЦРБ, примите как эпиграф к последующему тексту. Или как емкую зарисовку о моем герое.

А теперь можно начать и мне. Соблазн великий, воспользовавшись фактом, начать эффектно, ну, скажем, так.

Мы сидим в служебной комнате за большим столом. Мигает лампочка магнитофона, неслышно крутится пленка. За окном постепенно приглушаются краски — наступают сумерки. Из комнаты виден коридор: пустынный, чистый, с множеством закрытых белых дверей, с низким потолком. Мы разговариваем и пьем чай. Позвякивание ложки о стакан нарушает абсолютную тишину морга... Мой собеседник — судмедэксперт, паталогоанатом Иван Иванович Рожков...

А можно начать с ...начала. В детстве он очень боялся крови. Мать рассказывала такой случай. Заходит отец в дом, а он был суровой, кержацкой натуры, и спрашивает: «Обед сегодня будет?» Мать: «А петух где, я ж Ваньке его дала, чтоб тебе отнес голову отрубить?» А тот его взял и спрятал. Говорит: «Ага, тебе бы голову отрубить!». Потом, когда забивали скот или птицу, мальчишку уводили со двора... Каких только курьезов не бывает в жизни!

РОДИЛСЯ и закончил школу Иван Иванович в Кежме. Здесь же попал в штатную группу десантников авиалесоохраны, строил вместе с отцом ту базу, что сейчас стоит в Кежме. Съездил на пять пожаров, этим и ограничился его опыт пожарного. Решил учиться. Почему выбрал медицинский — сейчас уже не помнит. Дома среагировали так: «Хорошо, у нас свой хирург будет». О детской боязни крови не вспоминал, да и ушла она, видимо, с годами. Дело еще и в том, что в институте к этому приучали постепенно. Схемы, таблицы, папьемаше, косточки; потом смотрели, как другие режут; позже — за крючки подержаться разрешали, а уж затем — самому работать скальпелем. Хотя все равно отсев происходил, были такие, кто не выдерживал и бросал институт. У Ивана Рожкова нервы оказались крепкими и руки тоже. Он был в числе немногих шести студентов-выпускников, которым доверили самостоятельно удалять аппендицит.

В 75-м году, по окончании института, получил направление в Мотыгинский район, но перед этим заехал в Кежму к родителям. Главврач встретил и спрашивает: «Ты почему не к нам?» Он: «Мест же нет». Оказалось, есть. Тогда, кажется, в Проспихино, умерло подряд пять женщин от внематочной беременности — некому было помощь хирургическую срочно оказать. После этого в Проспихино хирургом был направлен А. М. Игнатьев, в Болтурино — Рожков. И здесь не обошлось без курьеза. Едет Иван Иванович к новому месту назначения, остановились пообедать, а ему сопровождающий говорит: «Ты приказ хоть читал?» «Нет, а что?» А в приказе написано, что он «назначен главврачом участковой больницы и на полставки — хирургом». Не соглашался, но потом все же рискнул. Так у коллектива, в котором было более 20 человек, оказался 24-летний руководитель. Четыре года проработал там. Не знаю, как у него получалось, знаю, с его слов, что стало его беспокоить отсутствие роста. Не в смысле карьеры, служебной лестницы, а в смысле совершенствования навыков. Практика, конечно, это хорошо, но надо было и учиться дальше. Ладно, если вчерашний студент попадает в большой коллектив, где есть опытные хирурги, а если, как он, в село?

Позже так случилось, что в Кежме выделили ставку судмедэксперта и пригласили Рожкова.

Хотелось бы, чтобы читатели, удивляясь его выбору и преданности избранному пути, поняли, что это такая работа, не рискну сказать, что она ему нравится, но интересна — это да. Как хирургу, как специалисту. И она нужна. Нужна не мертвым, им, конечно, уже все равно, а живым.

В ОКТЯБРЕ 1979 года он был назначен на новую для себя должность, так что нынешним октябрем у него юбилей — 15 лет. Прежде чем приступить к своим обязанностям, прошел в Красноярске специализацию: три месяца — в морге, три — в «живом отделе». Новое для меня и, думаю, для читателей определение — в обязанности судмедэксперта входит не только вскрытие трупов и определение причины смерти, но и освидетельствование «мордобойцев», как сказал Иван Иванович. Потом, за годы работы, несколько раз бывал на курсах, последний — в позапрошлом году в Барнауле, о которых до сих пор с восторгом вспоминает: «Это единственная кафедра в России, да и в СНГ, где по костям люди разбираются: профессор, два доцента и два лаборанта. Рассказывали прекрасно, все тонкости, мы поняли, что ничего хорошо не знали...».

У учителя — первый урок, у врача — первый больной, а у паталогоанатома — первый труп — помнится всю жизнь. Рассказывает И. И. Рожков.

(Продолжение на 2-й стр.).

✦ ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

БУДНИ Ивана Ивановича

(Начало на 1-й стр).

«Это было 3 декабря. Зэк угнал машину и застрял, едут двое других, лес везут, давай его вытаскивать и тоже застряли. Было тепло, все от снега промокли. У того зэка было море водки, и они напились. А их уже везде ищут. Нашли три офицера на «бобике», из Народимки, откуда те двое, отлупили их, своих забрали,а того, из Приангарского, оставили, а приехав, позвонили в часть. Те приезжают, дверцу машины открывают — он выпадает. Пульса нет, отвезли в больницу. Там его четыре часа откачивали — сердце то запустится, то замрет. Умер все-таки. Я стал смотреть; наружных повреждений куча: ссадины, синяки, а внутри чисто, все нормально. Дело в чем: пока растворы капали, часть алкоголя вымылась. Понять не могу — молодой еще, первый случай. Я подробные данные отсылаю в край, там сделали расчет и прислали ответ: на момент поступления в больницу у него была смертельная доза алкоголя. Родственники умершего пытались настаивать, что его убили — синяков-то много, но экспертиза выявила другое».

Памятен тот первый случай еще и тем, что работать пришлось в экстремальных условиях. Морг не был сделан; пола не было, велась сварка отопления. Труп положили в балок, затащили туда металлическую печь, затопили. Наверху дышать невозможно, внизу — лед. Чтобы отогреть труп, вылили на него 14 ведер горячей воды — кожа покраснела, а внутри мерзлый. Тут запустили отопление, и через сутки можно уже было вскрывать.

Впрочем, судя по рассказам Ивана Ивановича, экстремальность условий работы не так давно была нормальным явлением. Помнит еще из Кежмы такую цифру: за год 142 дня провел в командировках, а это значит, что в каждой деревне побывал, да не по разу. Вскрывать трупы приходилось в котельных, гаражах, РММ, чтобы не везти их в Кежму, а потом назад — на захоронение.

«Однажды едем с прокурором (не с нынешним, с другим) в Алешкино на происшествие. Что человек умер — мы не знали. Приезжаем — около дома лежит мертвая женщина, аккуратно сложив руки, ноги. Рядом — ватник, сапожки стоят. Занесли в дом. Что делать? Везти в Кежму и там вскрывать? Долгая история. А она — «бичевка», судя по всему. Вскрывать здесь? Я инструментов не взял. Прокурор походил, походил по дому, нашел длинный нож, ножовку: «Пойдет?» От фельдшера принесли шприц (чтобы взять кровь на анализ), куртку, так и вскрывал. Оказалось — смертельная доза алкоголя».

С ГОДАМИ приходит, конечно, уверенность, подкрепленная знаниями, опытом, интуицией. Поначалу больше раздумывал, сомневался в правильности своих выводов, не боялся обращаться за подтверждением в край. Кстати, раньше он подчинялся краевой организации и называлась его служба так: Кежемское отделение краевого бюро судебно-медицинской экспертизы. В командировки направляли прокуратура и милиция, а зарплату платили из Красноярска. Система эта существовала, видимо, потому, чтобы на месте не могли «надавить». Но со временем из-за трудностей финансирования решено было провести переподчинение, и два года назад это было сделано. И. И. Рожков возглавляет теперь судебно-медицинский отдел Кежемской ЦРБ. Но чувствует себя по-прежнему самостоятельным. Еще когда работал в Кежме, а здесь строилась больница, Игнатьев ему сказал: «Тебе здесь работать, ты и смотри, как и что строить». Вот уже пять лет как обосновался в Кодинске. У него свой коллектив. Он сам в одном лице и судмедэксперт, и паталогоанатом. Ирина Анатольевна Горячева — лаборант-гистолог, Елена Викторовна Лебедева — врач-гистолог и Григорий Корнилович Нечухаев — санитар, в Кежме с ним шесть лет проработала Галина Макарова.

Коллектив небольшой, тем более, что «выездной» один Рожков, а работы не убавляется, к сожалению. Первые годы было 40 — 60 трупов, потом перевалило за сотню, много было в позапрошлом году — 180, в прошлом — 163, в этом — 112. Резко увеличилось число лиц с телесными повреждениями: в 1993 году их поступило 292, а в этом — уже 317 человек! Пить стали гораздо больше, и алкоголь все чаще становится причиной смерти. Приведенные случаи произошли только от перепития, когда организм уже не выдержал алкоголя. Но вот еще примеры из практики эксперта, когда спиртное послужило косвенной причиной смерти.

«Пришел со свадьбы, прилег, вдруг захрипел, думали, сердце — подложили валик, вызвали «скорую помощь», а оказалось — асфиксия рвотными массами.

Или вот в Тагаре было. Трое выпили, едят горячее, жареное мясо, а куски большие. Один вдохнул и

упал. Те не поняли, в чем дело, пока медиков вызвали, он умер. Если бы знали, что это кусок мяса застрял, попал на голосовые связки, то спасли бы человека сами.

Кстати, еще аналогичный случай. Пили тоже втроем: женщина, ее сожитель и еще мужик. Не поделили что-то, сожитель толкнул ее, как сам потом рассказывал, — ну не толкнул, конечно, а пару раз ударил. Мужики легли спать, а она осталась за столом допивать. Утром встают — она на кухне лежит мертвая. Сожитель думал: все, срок ему дадут — от его удара она скончалась. А выяснилось, что при вдохе верхняя вставная челюсть встала на голосовые связки — механическая асфиксия инородным телом».

Так экспертиза спасла человека от тюрьмы. Хотя это, наверное, самый простой пример, когда не требовалось особо тщательного анализа. Есть случаи более сложные. Особенно, конечно, судебно-медицинские. Когда по характеру раны, всем показателям можно вынести заключение, которое указывает на инструмент убийства, силу удара и т. д. Экспертиза может оправдать, но может и уличить. Как и произошло однажды. Преступник застрелил человека и сжег, надеясь скрыть преступление. Нашли обгоревшие останки, вскрыли: сердце осталось, а в нем отверстия от дроби. Убийство.

И хотя Иван Иванович говорит, что он — не последняя инстанция, и юристы сами могут определить степень тяжести повреждений, сам же добавляет, что, конечно, все нюансы учесть они не могут без экспертизы. «Эксперт не имеет права предполагать» — это принцип профессии.

Прокурор района Виктор Петрович Мизенко знает Рожкова уже 10 лет и отзывается о нем так: «Его акт экспертизы — основное доказательство. И, как правило, сомнений в законности, объективности его заключений не возникало. Он профессионал, исполнительный, грамотный. Если бывают сомнения — данные экспертизы идут в край, но отмены его выводов никогда не было».

За [illegible] работы жалоб на эксперта, его заключения писалось немало. Но, как правило, в крае, изучив внимательно все обстоятельства и показатели, подтверждали правильность экспертизы. Лишь четыре раза приезжали на место и перепроверяли, т. е. вскрывали повторно.

«Однажды в Таежном двое пошли на рыбалку. А дело было в мае, речка разлилась. Рыбачили, рыбачили, потом один решил попробовать на другой стороне. Ушел. Время обедать, а его нет. Этот покричал, поискал — нет нигде. Испугался, домой вернулся и никому не сказал. Жена того узнала, с кем ходил, побежала к участковому. Пошли искать. А в том месте, где переходить можно речку, были камни, мохом и слизью покрытые, т. е. легко на них поскользнуться можно, но сразу не нашли его, а только через неделю в устье речки. На голове — две небольшие ранки, а так, в черепе, животе, все чисто. Видимо, поскользнулся на этих валунах, упал, ударился, вода ледяная — утонул. А родные возражают: убийство. Написали жалобу. Без меня приезжали из края и вскрывали. Я позже узнал — все то же самое».

И в тех еще трех случаях, когда его проверяли на месте, опровержений не последовало.

Читатель, наверное, заметил, как подробно запоминает обстоятельства дел И. И. Рожков. Я тоже обратила внимание. Но это не только потому, что он человек любознательный, что тоже, конечно, правда, но прежде всего потому, что [illegible] обстоятельства дела обязательно для его работы.

«Иногда для установления причины смерти приходится смотреть все-все. Когда «скоропостижники» — сердце, отравление — там все ясно. Вскрываешь и сразу печатаешь акт экспертизы, и уходит на это около часа. Бывает много повреждений, как однажды было 42 ножевых отверстия, пришлось вскрывать два часа. Хотя, с другой стороны, здесь хотя бы ясно, отчего скончался человек. А иногда бывает: стоишь и не знаешь, отчего и почему, вот тогда приходится голову ломать».

БЫВАЛИ, правда, редко, случаи в жизни Рожкова, когда пытались его уговорить, подкупить. Однажды в Кежме в одной компании перепила женщина и умерла. Кто-то из «сотоварищей» подошел к эксперту и предложил: не пиши про алкоголь, страховку пополам поделим. Он в ответ: «Мне твоей страховки на сухари на шесть лет не хватит». Но такие случаи единичны.

Как я уже писала, Рожков не только судмедэксперт, но и паталогоанатом, т. е. вскрывает тех, кто умер не насильственным путем. В редких случаях умерший не вскрывается: если старше 70 лет, если ясен диагноз, если онкологический случай и подтвержден краем и пр. По положению, он обязан доводить до сведения главврача ЦРБ все недостатки работы медиков: от плохо оформленной истории болезни до врачебных ошибок. «Я всех сразу предупредил: я не ябеда и не доносчик, у меня такая работа», — рассказал Иван Иванович.

И, судя по словам медиков, конфликтов в коллективе не бывает. Его ценят не только за добросовестность и профессионализм, но и за веселый, легкий нрав, что удивительно для человека, столько лет проработавшего на таком, совсем не радостном, месте. Он сумел, благодаря, видимо, своим природным качествам, врожденному юмору, не удариться в спиртное, не замкнуться и не огрубеть. «С ним приятно общаться», — говорит Виктор Федорович Яцинов, врач-терапевт.

А ведь одни постоянные командировки, невозможность даже в выходные свободно распорядиться своим временем чего стоят! Недавно, после того, как пришлось из-за «неизвестного трупа» задержаться на выходные в Кежме, попросил отгул, но с утра опять вызвали — все, день потерян. Остался назавтра, пошел на дачу малину пригнуть, только начал — «скорая» приехала. Так и не получилось с отгулом.

В Красноярском крае в половине районов тоже по одному эксперту. Раньше, на период отпусков, договаривались с богучанским экспертом о взаимозаменяемости, сейчас там работает женщина, и она отказалась ездить в наш район. Но Иван Иванович не сетует на судьбу.

НАВЕРНОЕ, немногие знают, что в морге есть музей, ему лет шесть. Здесь—архив эксперта. Поначалу он всегда, хотя ему это никто не вменял в обязанности, делал снимки с происшествия, сам их и печатал (в морге есть и фотолаборатория) для себя и для дела. Здесь и различные экспонаты: все приобретенные в нашем районе, и про каждый Иван Иванович может рассказать целые истории. Вот россыпи камней разной величины (из органов оперированных), некоторые стали причиной смерти. Вот увеличенных размеров сердце. Рядом — сердце с искусственным клапаном. Аппендицит. Сиамские близнецы. Гвозди, кусок стекла, извлеченные из тел. Кости с разными повреждениями.

В музее редко, но бывают посетители: коллеги, школьники, изучающие анатомию.

Впервые узнала, что в самом морге есть траурный зал — большая, специально оформленная комната, где близкие покойного могут проститься с ним перед похоронами. Раз, два в месяц такое происходит — невозможно, например, поднять проб на девятый этаж в «малосемейках» и т. п.

Вот такой получился грустный рассказ о веселом, в принципе, человеке, который в коллективе любит пошутить, рассказать анекдот; но люди сами расспрашивают его о том или другом случае. Представляете, сколько их у него в памяти накопилось за 15 лет? Тем более, что он умеет и рассказывать. По сути дела это просто клад для писателя детективов; такие примеры, такие детали придумать сложно, жизнь — вот лучший источник. Может, когда-нибудь со временем полегче будет и возьмется за рассказы Иван Иванович и переживет заново жуткие, но захватывающие истории?..

И. БРАЛКОВА.

Фото А. ЖУРАВЛЕВА.